

НОЧЬ В ЕРЕВАНЕ

Я тогда с завистью смотрела на женщин–таксистов. Представляла и себя за рулем «Волги». У меня уже был семилетний шоферский стаж, но я все не решалась идти в таксопарк...

На работе мне дали санаторно–курортную путевку в Армению, в Джермук. Внешне я похожа на женщину с Кавказа: темноволосая, с большими глазами и носом. Так что в самолете соседка справа что–то громко мне говорила по–армянски, я в ответ лишь улыбалась.

Другая соседка, слева, тыча пальцем чуть ли не в глаз, обругала:

– Зря улыбаешься!

Стыдно армянке не знать родной язык!

Я отодвинула ее руку от своего лица и сказала:

– Барев, но я – русская!

Приземлились в Ереване поздно вечером. Ехать в Джермук было уже не на чем. Я села в такси, чтобы устроиться в какой–нибудь гостинице. Таксист вез меня по городу с грубыми нарушениями ПДД. Красный свет светофора горел просто потому, что была его очередь, а дорожные знаки были лишь украшением столицы Армении.

Я сидела рядом с таксистом и ного-

ми изо всех сил давила в пол, пытаюсь, как мне казалось, тормозить. Шофер заметил мои попытки:

– Ты что, ездить можешь?

– Могу. Чего тут уметь?

– А ну садись за руль, покажи, – армянин резко затормозил и уступил место за баранкой. Я бы никогда не дала свою машину чужому человеку. Но это я, а он... Что ж, вот и представился случай хотя бы ненадолго почувствовать себя таксистом!

Села за руль, плавно поехала... Сердце радостно заби-

лось, а глаза

засветились так, что не нужен дальний свет фар.

Таксист сидел рядом, опершись на дверь спиной, и не отрывал от меня восхищенных глаз:

– Вот это да! Ай, молодец! Да ты просто ас!

Потом всем пассажирам он что–то восторженно говорил на своем языке, а я колесила по ночному Еревану. Вот знаме-

нитый коньячный завод, а вот изумительный поющий фонтан...

Пассажиры щедро давали червонцы и четвертаки – на таксометр никто не смотрел. Один офицер проехал немало и дал 50 копеек одной монетой. Таксист покрутил ее в руках:

– Это советские деньги?

– Да.

– Подарю сыну – никогда не видел таких... Потом бывалые таксисты меня учили:

– Лучше бери женщину с кучей сумок, чем военного! Он и на тебя разделит сумму на счетчике.

Вот так я отработала ночь таксистом. Мой новый знакомый к концу смены вывел всю бригаду из таксопарка посмотреть на меня. Я всем говорила:

– Барев! – и улыбалась радостно. Я уже точно знала – буду таксисткой!

Мой знакомый проводил меня до автовокзала и купил билет за свои деньги. А может, и мои: я их честно заработала.

Вернувшись в Ростов, я устроилась в 3–й таксопарк и откаталась 20 лет без единой аварии. Эти годы пролетели так же быстро, как та незабываемая ночь в Ереване.

Г. ЦОЙ

Воспоминания

До начала Великой Отечественной войны мои родители и я во время школьных каникул работали в полеводческой бригаде колхоза «Комсомолец № 6». Бригада находилась за 30 км от Чалтыря недалеко от хуторов Александровка и Валуево. Здесь природа была очень красивая. Еще я наслаждался, восхищался работающими

ми большекрылыми ветряными мельницами, находящимися в окраинах этих хуторов.

В нашей бригаде люди работали дружно, весело. Бывало, по вечерам устраивали «свадьбы» с женихом и невестой, танцевали, радовались. Во время работы в поле женщины и девушки шутили, пели задушевные песни. Сердечно работали мужчины и молодежь: трактористы, механизаторы и др.

И вот грянула война. О начале войны наша бригада узнала поздно вечером 23 июня 1941 года, когда из райвоенкомата верхом на коне привезли повестки на отправку военнообязанных мужчин на фронт. Мы сразу же вместе с заведующим бригадой (бригадир болел) организовали имеющийся транспортом отправку в Чалтырь мужчин и их семей, получивших повестки.

До сих пор в моей памяти, когда среди ночи были слышны плач женщин, рыдания детей, ругань мужчин в адрес немецких оккупантов.

С завершением основных сельскохозяйственных работ в бригаде в октябре 1941 г. меня также призвали в армию – на войну. После кратковременного изучения азов строевой подготовки нас проводили военным духовым оркестром в город Ворошиловград. Там нас отвели в баню, выдали зимнее обмундирование и стрелковое оружие. Направили оттуда в составе 591 полка 176–й стрелковой дивизии на фронт. Фронт находился западнее украинского города Кадиевка. Передовая линия фронта проходила недалеко от хутора Михайловский. Приходилось воевать там, сражаться в свирепую зиму: мороз 40 градусов и большие снежные покровы.

Наше вооружение было слабее, чем у противника, но мы держались, наступали и шли в атаку. В одном из боёв в конце января 1942 года был ранен. После оказания первой помощи в фронтовом санбате № 141 был отправлен в г. Ворошиловград. Оттуда санитарным поездом нас отправили на Кавказ в госпиталь. В начале февраля 1942 года я попал в госпиталь № 2171 в городе Пятигорске, находящийся на южном склоне горы Машук. Там под общим наркозом мне сделали операцию на правой ноге. Лечение, уход и питание в госпитале были хорошими.

В одной палате мы лежали с молодыми ребятами из Армении, г. Харьков.

После месячного лечения в Пятигорске был направлен на дальнейшее лечение в Тбилиси в госпиталь № 1561, что на улице Камо. Там мне сделали операцию на левой ноге. Условия в госпитале были хорошие, в том числе и лечение. Вернулся домой в конце мая 1942 года инвалидом войны. 45 лет проработал в государственных учреждениях, из них 23 года в районном управлении сельского хозяйства.

Полученные на фронте раны дают о себе знать. 67 лет храню и пользуюсь немецкой столовой вилкой № 162, найденной при захвате блиндажа, как память о фронте, о войне.

Агарон ШИРИНЯН

Бегство

Наступил 1943 г. Маме пришла повестка из комендатуры явиться 5 февраля на второй допрос по поводу фразы, что наши с американцами заключили договор и теперь попрут немцев. Но со 2 февраля немцы стали поспешно вывозиться из города, и 5 февраля мама на второй допрос в комендатуру не пошла.

В первых числах февраля 1943 года ходила по квартирам русские полиция, предлагая ростовчанам «эвакуироваться» вместе с немцами. Недалеко от нашего дома остановился обоз, который облепили полиция. Все были одеты в немецкую форму с пилотками на голове, а стояли лютые февральские морозы, до 30 градусов. Полиция пританцовывала, хлопывали нога об ногу и потирая уши, громко говорили по–украински.

Мама затронула их: «Деж вы идэтэ, хлопцы, з нимцями?». Они сказали, что их везут в Таганрог, и очень обрадовались, что встретили «землячку». У них был очень жалкий вид. А нас не покидало чувство радости, даже злорадства. Уж мы-то насмотрелись на предателей за время оккупации! Вскоре в Ростове пронесся слух, что какой–то обоз с полицией замерз по дороге в Таганрог.

В ночь на 7 февраля взрыв страшной силы потряс наш одноэтажный дом. Мы уже спали, и нас трижды подбросило на кровати. Взрывная волна выбила окна и двери, и сквозь открытые проемы мы увидели зарево пожара. В соседнем дворе кричали: «Помогите, горим!». Мама схватила ведро с водой и попыталась выскокить на помощь, но толстый слой земли глыбой лежал на пороге. На рассвете мы обнаружили глубокую и широкую воронку вместо бывшей коридорной двери. Вывернутые пласты земли пришлось разгребать, чтобы выйти во двор. В заснеженных ветках деревьев застряли комья земли, кирпичи, валялись оборванные провода, крыша была пробита в 25 местах осколками. Прибежал сосед узнавать, живы ли мы. Но мы были живы и ... счастливы.

Сейчас, после бомбежки, отойдя от испуга, мы нервно острели: «Это привет от папы из Сталинграда». Немцы отступают. Об этом мы и раньше догадывались, когда читали издаваемую немцами газету «Голос Ростова», в которой писалось, что немецкие войска, выравнивая позиции, отошли от города Сталинграда. Но теперь мы это чувствовали на себе. Через несколько дней, после освобождения Ростова, к нам во двор зашел военный летчик. Соседка, тетя Поля, возьми да и спро-

си: «Уж не вы ли своих бомбили?». Он осмотрел воронку и сказал: «Я». Оказалось, он уже побывал за углом на улице Мурлычевской, где в частном доме предателей Капышкиных действовала немецкая связь, которую надо было уничтожить. В дом было прямое попадание. Задание летчик выполнил, но «зацепил» и нас. К сожалению, сведения были запоздалые, связь вместе с хозяевами дома (престарелыми братом и двумя сестрами) была вывезена немцами чуть раньше. Утром 14 февраля мы вышли на улицу. Три красноармейца шли навстречу. Но погоны на плечах смуглили нас, уж не белые ли... Они крикнули: «Мы свои» – и мы бросились обниматься, плакать от радости. А они, молодые, здоровые, красивые, в меховых белых полушубках. Откуда такая армия? Мы помнили нашу отступающую через Ростов истерзанную, потрепанную, казалось, немощную армию – и вдруг такие орлы!

А по другой стороне из какого–то дома выскочил «застрявший» немецкий солдат, за ним гнался наш. Немец оглядывался на бегу, показывал три пальца и кричал: «Киндер!» – пуля его догнала. Он упал, смертельно раненный в голову. Шевельнув головой, он успел пробормотать: «мутер», «мутер»... Жалко не было. Ведь он не думал о наших «киндер» и «мутер».

В 1943 году отпустили папу, его часть была уже на Миусе, и папу на 2 дня отпустили в Ростов помочь семье справиться с разрушенной квартирой после бомбежки. Папа выглядел очень плохо, весь опухший и совершенно больной. Он обратился в эвакуогоспиталь, и его немедленно поместили с диагнозом нефрозононефрит плюс высокое давление.

В июле 1943 года папу наградили орденом Красной Звезды. Ему было вручено поздравление с высокой правительственной наградой, и выражалась уверенность, что и в эти грозные дни, дни героической борьбы великого русского народа с кровожадным врагом, он еще больше приложит усилия к тому, чтобы наши рубежи были бы неприступной крепостью для врага.

В 1944 году был комиссован мой папа. Под Сталинградом его шинель была изрешечена пулями, и ни одна его не задела. Но саперы – «кроты», и в лютые сталинградские морозы он застудил почки.

Приближались мирные дни. Одним из первых домой вернулся дядя Коля, без ноги, на костыле. Тетя Леля, провожая его на фронт, обещала его не бить, когда он будет напиваться, но все–таки иногда давала ему подзатыльники. Демобилизовался Иван Семенович Карпушкин. Из эвакуации прибыла семья Шакирова. Сам же политрук майор Шакиров после победы был отправлен на Дальний Восток на границу с Японией.

Семья Жуковских тоже прибыла из эвакуации. Дядька погблших племянников задавал совершенно идиотские вопросы: – А почему нет света? Кто оборвал провода?

Ему всем двором объясняли, что Ростов бомбили, что передовая прошла через город.

Постепенно собралась семья Мазинкиных из соседнего двора, объявилась рядовая Лена Горецкая – красавица с каким–то незаметным старшиной.

Не вернулись с фронта в наш двор лейтенант Борис Жуковский, который за время войны закончил шестимесячные курсы лейтенантов и успел отомстить врагу за гибель родного старшего брата лейтенанта Марка Жуковского. Не вернулся с фронта наш сверстник Коля Ухрянченко (Ухря).

Не вернулись наш школьный товарищ Сергей Андриян (Дриська), угнанный в фашистскую Германию, а также Петя Крамаренко. В день первой бомбежки Ростова погибла сестра нашей школьной подруги Нади Гуровой, в период оккупации Ростова под расстрел на Нольной линии попала сестра Кати Михайликовой.

Мы пережили боль разлуки с дорогими нашими отцами и братьями, а затем испытали тяжесть утраты, ужас бомбежек и оккупации.

На детские плечи легли голод и холод, тревога за судьбы близких, работа не по годам. Мы научились любить и ненавидеть. Ненавидеть войну и ценить синеву чистого неба.

Виктория ГАЛУСТЯН